

К ВОПРОСУ О ЛАТИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

К.Н. БОЛГОВ

*Белгородский государственный
университет*

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

В работе рассматривается круг проблем, связанных с латинской культурой Ранней Византии. Автор выделяет территориальные и содержательные аспекты распространения латинского языка в восточных провинциях. Выясняются основные причины падения роли и значения латыни в Византии к VII веку.

Ключевые слова: латинский, Ранняя Византия, Константинополь, культура.

Позднеантичный (ранневизантийский) период, охватывающий IV-VI вв. был переходным временем, неоднородным с точки зрения культурных процессов. На территории, входившей в состав Восточной Римской империи, окончательно сформировавшейся с конца IV в., сложилась, в отличие от двуязычного античного средиземноморского общества первых веков н.э., принципиально иная культурная и языковая ситуация.

В провинциях, начиная еще с кризисного III в., значительно оживились казались бы забытые языки местных народов, и это положение сохранилось в ранневизантийской культуре, спаянной христианской церковью. Если в искусстве и материальной культуре этнокультурные отличия проявлялись менее четко, то письменные памятники, эпиграфика и другие данные вполне определенно свидетельствуют о реальном двуязычии в негреческих провинциях.

Хорошо известно о вкладе в культурный сплав Ранней Византии помимо греков – сирийцев, египтян-коптов, народов Малой Азии, армян, евреев, арабов и др.¹

Значительная литература о ранней Византии и поздней античности в целом, в первую очередь, обобщающие работы, дают территориально-этнический обзор империи (А. Гийу², А.Х.М. Джоунз³, Д. Оболенский⁴ и др.).

В этом ряду можно поставить и латинский пласт ранневизантийской культуры. Однако, в отличие от вышеназванных, он более сложен, полифункционален и нуждается в более точном определении.

Первая и главная сфера распространения латинского языка в Ранней Византии была связана непосредственно с государством. Языком двора, управления, права и армии латынь оставалась до конца ранневизантийского периода. Основной письменный памятник этой сферы – Свод гражданского права Юстиниана. Территориальное сосредоточение – Константинополь как центр администрации, а также крупные города в провинциях.

Вторая сфера – территориально-этническая, аналогичная большинству других подобных. Однако, и здесь имелось глубокое своеобразие данного этнического пласта – он был в ранней Византии хотя и самостоятельным, но периферийно-маргинальным по отношению к своей «метрополии» – Западному Средиземноморью, где латинский язык играл ведущую роль. Ни один другой этнокультурный пласт не имел такой четко выраженной двойственности.

Наконец, третья сфера была также связана преимущественно со столицей и в определенной степени с государством, однако она представляет собой все же скорее автономный культурный феномен. Это разнообразные тексты:

¹ Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984.

² Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.

³ Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону-М., 1997.

⁴ Оболенский Д. Византийское Содружество наций. М., 1998.

- **поэтические:** поэмы Флавия Крескония Кориппа Африкана Грамматика «Иоанниада», «Похвала Юстину II»⁵;

- **исторические:** Хроника Марцеллина Комита⁶,

- **другие прозаические** тексты в классической традиции: филологические труды Флавия Харисия⁷, Присциана⁸, и др.

К кругу рассматриваемых нами аспектов можно отнести и творчество автономной группы этнических греков, живших и работавших на Западе и писавших по латыни в IV веке – Аммиан Марцеллин, Клавдиан и др. В VI веке будет иметь место уже обратный процесс – латинский грамматик Присциан получит назначение ко двору Юстиниана.

В области изящной словесности наиболее интересным феноменом латиноязычной культуры Византии предстает, конечно, эпический поэт Корипп. «Благодаря» своей культурной маргинальности, он не попал ни в одну серьезную историю литературы. О нем не упоминают ни К. Крумбахер, автор наиболее авторитетной «Истории византийской литературы», ни А.П. Каждан, начинающий свою «Историю византийской литературы» с более позднего времени, ни В.Н. Голенищев-Кутузов в «Средневековой латинской литературе Италии», ни В.В. Дуров и М. фон Альбрехт в своих «Историях римской литературы», ни С.С. Аверинцев в «Истории всемирной литературы»⁹, ни Л.А. Фрейберг¹⁰. Лишь энциклопедия классических древностей Паули-Виссова посвятила ему 10 колонок своего текста. Упомянут поэт и в польском справочнике «Античные писатели»¹¹. Прочие словари (Ф. Любкер, «Словарь античности» и др.) о нашем авторе также хранят полное молчание.

Вероятно, Корипп родился приблизительно в первом десятилетии VI века. Прозвище Африканский позволяет предположить, что местом его рождения была Африка. Также несомненно, что он значительное время пробыл в Африке в период ее отвоевания у вандалов.

Поэтическое наследие Кориппа в целом довольно обширно. Эпическая поэма «Иоанниада, или о Ливийской войне» в VIII песнях и почти 5000 гекзаметрах рассказывает о войне против мавров во главе с дуксом Иоанном в 545-548 гг.¹² Незадолго до того, в 533 г. византийцы во главе с полководцем Велизарием сокрушили королев-

⁵ Corippi Africani Grammatici libri qui supersunt / Rec. I. Patsch. B., 1879. XX; Flavius Cresconius Corippus. El Panegirico de Justino II. Sevilla, 1985; Болгов Н.Н. Кресконий Корипп и постантичный эпос между латинским и византийским мирами // Из истории античного общества. Вып. 11. Н. Новгород, 2008. С. 221-234.

⁶ Рус. перевод: Марцеллин Комит. Хроника (перевод и комментарии). Белгород, 2010.

⁷ Флавий Сосипатр Харисий (IV в.) – один из крупнейших позднеантичных грамматиков. Жил на востоке империи. Автор компилятивного сочинения *Грамматика* в V кн., из которых сохранились I-III, IV – с пропусками, а от V сохранился лишь отрывок. Изд.: *Grammatici latini*. Lipsiae, 1857 (rec. R. Keil). В книге II рассказывается о 8 частях речи, книга III представляет собой дополнительные сведения о глаголе. Харисий был компилятором, который порой просто переписывал используемые источники; наиболее часто цитируемые им грамматик – Реммий Палемон, Юлий Роман и Комиан. Русского перевода нет.

⁸ Присциан (2-я пол. V – нач. VI в.) – грамматик из Кесарии (Мавретания) при дворе восточного императора Анастасия. Сохранилось грандиозное *Грамматическое руководство (Institutio de arte grammatica)* в XVIII кн. – главное пособие по латинскому языку в средние века. Кроме того, до нас дошли фрагмент латинского перевода *Землеописания* Дионисия и ряд стихотворений (главное из которых – панегирик Анастасию: *De laude Anastasii imperatoris*). Полного русского перевода нет. Изд.: 1) *Priscianus Periegesis* // GGM. V. II. P. 190-191; 2) *Prisciani grammatici Caesarensis Institutionum grammaticarum libri XVIII* // Ed. M. Hertzil. V. 1-2. Lips., 1855. Перевод отрывков «Землеописания» // ВДИ. 1949. № 4. С. 299-303. Перевод отрывков из *Грамматики* // Античные теории языка и стиля. М.-Л., 1936 (репринт СПб., 1997). С. 70, 117, 123-126, 129-133, 137.

⁹ Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л., Самарин Р.М. От античности к Средневековью (V-VI вв.): [Латинская литература] // История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М., 1984. Т. 2. С. 446-449.

¹⁰ Фрейберг Л.А. Византийская поэзия IV-X вв. и античные традиции // Византийская литература. М., 1974. С. 24-76.

¹¹ Античные писатели. Словарь. СПб., 1999. С. 198.

¹² В новейшей литературе об этих событиях см.: Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. Восточноримская армия в 491-641 гг. СПб., 2006. С. 158-160.

ство вандалов в этом регионе¹³ и подавили мятеж Стотцы в 536 г.¹⁴ военными силами во главе с Германом. У истоков нового мятежа стоял вакантный магистр и дукс Нумидии Гонтарис (у Кориппа – Guntarith). Войдя в сношения с маврами, он составил заговор для узурпации власти в Африке. Силами мавров при участии недобитых соратников Стотцы удалось разбить главные имперские силы во главе с Соломоном (*Joh.* III. 412-432) и даже захватить Карфаген. Поэма воспеваает, прежде всего, военные подвиги Иоанна¹⁵, подавившего этот мятеж и установившего прочный для тех условий мир почти на 15 лет. В сохранившемся тексте не хватает окончания последней книги.

Вполне вероятно, что *Иоанниада* была не первым поэтическим опытом Кориппа. Есть указания на более раннюю идиллическую поэзию, которую Корипп неудачно стремился сочетать с эпосом (напр., *Joh.* II, 336), но это грамматически невозможно установить.

Написание *Иоанниады* должно было иметь место вскоре после описанных в ней событий. Поэт должен был находиться в войске полководца Иоанна во время взятия Карфагена у мавров (548 г.). Карфаген и поэт находились еще под впечатлением от победы над маврами и вновь восстановленного мира.

В обоих произведениях нашего автора поэтическое искусство стоит не на первом месте. Как с исторической, так и с поэтической точки зрения *Иоанниада* превосходит второе произведение автора. В *Похвале Юстину*, поэт руководствуется довольно богатыми, но плохо используемыми им источниками. *Иоанниада* более важна не только как источник сведений о падении королевства вандалов и о войне с маврами, но и с точки зрения изображения страны и ее жителей. Это оказалось возможным благодаря тому, что Корипп был местным уроженцем и очень хорошо знал страну, а также умел неплохо излагать свои мысли и впечатления. В целом считается, что эпос Кориппа имеет больше значения как исторический и этнографический документ (описание жизни и быта мавров-берберов), нежели как поэтическое произведение.

Очень важно то обстоятельство, что для своего эпоса Корипп взял не эпикальные события – отвоевание Африки у вандалов – а гораздо менее важное нападение мавров десятилетие спустя. И дело здесь не только в придворных пристрастиях (не Велизарий или Герман, а Иоанн), сколько в классической эпической традиции внимания к сравнительно небольшому эпизоду и его гиперболизация до универсального уровня.

В *Похвале Юстину* еще в большей степени, чем в *Иоанниаде* можно увидеть панегирик Византийской империи, а это работает не в пользу точности исторических деталей. Исторический фон и смысл описываемых событий в *Иоанниаде* всегда четко видны и стоят на первом месте.

Корипп хорошо знал классическую поэтическую традицию. Он в целом удачно использовал классические обороты, зная, кто их уже применял. Инкорпорация деталей старого художественного целого в состав нового типична для постклассического мира¹⁶.

Христианство Кориппа, типичное для придворного византийца своего времени, выражено, прежде всего, тем, что в *Похвале Юстину* мы находим весь Никейский символ веры в стихах.

Язык и стиль Кориппа, его метрические и языковые формы – в целом превосходят для своего времени. Причина этого заключается в его глубоких познаниях в

¹³ Ср.: Marcell. Comit. *Chron.* под 534 годом. Диснер Г.-И. Королевство вандалов / Пер. с нем. СПб., 2002; Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 2. СПб., 1996. С. 88-100. О кампании в Африке в неолетописном стиле (местами пересказывая Кулаковского) недавно высказался А.А. Черетаев: Черетаев А.А. Византия. Юстиниановская эпоха. М., 2004. С. 233-250.

¹⁴ О решающей битве у Скале Ветерес (Сог. *Joh.* III, 318) см.: Шувалов П.В. Ук. соч. С. 234-237; также: Кулаковский Ю.А. Ук. соч. С. 132-134.

¹⁵ Иоанн – типичный представитель слоя военной знати. См.: Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.

¹⁶ Аверинцев С.С. Ук. соч. С. 281.

классической поэзии. Корипп – человек книжного знания и книжной культуры. Но эта ученость все же не защитила Кориппа от характерных для его эпохи ошибок: поэт часто ошибается в употреблении не только греческих собственных имен, но иногда даже и латинских.

Относительно редко в языке, усвоенном по лучшим эпическим образцам, пробивается позднелатинское наречие, например, в употреблении *Coniunct. Plusquamperf.* вместо *Coniunct. Imperf.*, предлогов и слитных с предлогами глаголов и в употреблении отдельных слов (необычные обратные образования: *populus* – «разграбление», *praeda* – «набег», *mansuescere* как переходный глагол, *fateri* – «обещать», *properegre* – «приближаться» под влиянием *progre*). В общем это часто встречающееся в поэтическом творчестве эпигонов семасиологическое явление.

Наконец, у Кориппа четко прослеживается восточно-римская имперская идеология. В ходе реставрации империи Юстинианом победный дух преобладал, и сложно было в полной мере представить себе историческую перспективу. Корипп, видимо, еще застал новый мятеж мавров в Африке в 569–571 гг.¹⁷, как и потерю Италии в результате нашествия лангобардов 568 г. Но политика Юстина II с позиции силы на внешней арене продолжалась, несмотря на начавшийся откат по всем направлениям.

Крупнейшим историческим сочинением латинской Ранней Византии является, бесспорно, Хроника Марцеллина Комита.

Хроника в основной своей части охватывает период с 379 по 518 гг. Поэтому мы можем предположить, что первое издание могло появиться вскоре после 518 г., т.е. за несколько лет до того, как Марцеллин начал служить Юстиниану. Второе издание хроники, которое дошло до наших дней, датируется 534 годом и, соответственно, доводит события до этого времени. Считается, что «продолжение» было написано в честь триумфа над вандалами в Африке, который праздновался в Константинополе в 534 г.

Преобладающие мотивы хроники – отношение Марцеллина к событиям в его родной местности – Иллирике, и в Константинополе, городе, где он приблизительно с 500 г. жил и писал свою летопись.

На социальном, политическом и религиозном фоне мировой империи сведения Марцеллина выглядят особенно впечатляюще. Хроника дает вполне законченную картину жизни латиноязычных общин в Константинополе, сравнивает образ жизни иллирийцев в столице и на их родине, например, в описании визита иллирийских епископов.

Марцеллин в значительной мере является образцом ярко выраженного позднеантичного имперского сознания, подпитанного успехами юстиниановской реставрации.

В написании хроники по канонам Иеронима Марцеллин Комит не придерживался определенного литературного стиля и не пытался добиться какого-либо риторического эффекта. Если у него и были стилистические и риторические способности, его летопись скрывает их. Напротив, его выражения были порой прямолинейными, формальными и краткими. Некоторые его описания приносят определенную свежесть и, возможно, являются отражением его собственных знаний и опыта. Временами, однако, его содержание сильно копирует целые главы текста его источников (Орозия, Геннадия). Что касается синтаксиса и словаря, то он демонстрирует нам обычный поздний латинский язык, который считается «неклассическим» и, возможно, являет собой некоторую интеллектуальную и литературную ограниченность.

Принимая во внимание греческое влияние, неудивительно найти в хронике грецизмы. Как бы то ни было, исходя из того, что родиной историка была латиноязычная область на Балканах, естественно обнаружить в тексте соответствующий вариант латинского языка.

Территориальные микрзоны с преобладанием латинского языка в ранней Византии были, как правило, обособленными друг от друга и имели достаточно самостоятельную историческую судьбу. Среди важнейших можно выделить следующие.

¹⁷ Кулаковский Ю.А. Ук. соч. С. 137.

1. Северная Африка от Триполитании до Мавретании, завоеванная у вандалов полководцами Юстиниана в 534-536 гг.

2. Диоцез Дакия.

3. Малая Скифия на Нижнем Дунае – двуязычная область.

4. Пограничные области Иллирии и Македонии с Эпиром.

5. Равеннский экзархат в Италии.

По яркому выражению А.Х.М. Джоунза, греки никогда не прекращали считать римлян варварами в культурном отношении, и никогда ни один грек не изучал латинский язык кроме как из практических соображений.

Наиболее прочные позиции в Византии латынь занимала в армии. Здесь двуязычие официально не допускалось, а вся документация была исключительно латинской до конца V в.

Так же прочны были позиции латыни в области права. Помимо подготовки текстов, все юридическое образование велось только на латыни. Использовались лишь упражнения в греческом красноречии, а в начале V в. в школе права в Бейруте были изданы первые два греческих пособия.

В центральном управлении, императорской канцелярии все законы и рескрипты готовились на латыни, но с греческим переводом. С VI в. основной экземпляр готовился уже по-гречески, но латинский перевод, со временем все менее и менее точный, к нему прилагался.

Родным языком большинства императоров был греческий, исключая немногих, в том числе Юстиниана Великого – латиноязычного выходца из Иллирии.

Язык местного управления в империи с 439-441 г. стал греческим после реформы префекта Кира.

Все православные подданные императора считались единым «народом» - ромеями, независимо от родного языка¹⁸.

Практика начального обучения на латинском языке при подготовке чиновников была достаточно распространена на Востоке еще в первые века н.э. Многочисленные греко-латинские *abecedaria* (упражнения в переводах) и подстрочные переводы из латинских классиков сохранились на папирусах в Египте¹⁹.

Лексика многих грекоязычных авторов ранней Византии обнаруживает начальное знакомство с латынью (Иоанн Лаврентий Лид, Зосим²⁰ и др.), что было вполне объяснимо и даже почти неизбежно.

Исторические судьбы латинского пласта культуры Ранней Византии оказались плачевными. Лишившись государственного покровительства, латынь достаточно быстро исчезает из столицы. По мере потерь территорий западнее Греции исчезает и латинский территориально-этнический пласт в Византии.

С VII в. культурное развитие на основе латинской традиции окончательно сосредотачивается в Западной Европе.

TO QUESTION OF LATIN CULTURE IN EARLY BYZANTIUM

K.N. BOLGOV

Belgorod State University

e-mail: bolgov@bsu.edu.ru

At this article are research a circle of problems in context of Latin culture in Early Byzantium. An author distinguished a territorial and substantial aspects of spreading of Latin language at Eastern Provinces of Empire. Moreover turn out a mane reasons of fell of role and meaning of Latin to 7 cent. AD.

Key words: Latin, Early Byzantium, Constantinople, culture.

¹⁸ Оболенский Д. Ук. соч. С. 291.

¹⁹ Джонс А.Х.М. Ук. соч. С. 502.

²⁰ Болгов Н.Н. Соответствия греческих и латинских терминов в «Новой истории» Зосима // Иресиона. Античный мир и его наследие. Вып. 2. Белгород, 2002. С. 163-172.